

ЖНИВЬЁ

Рассказ

...Под утро у Сарыкой¹ выпал зуб. Отара еще отдыхала, лишь несколько караульных коз и баранов стоя мерно пережёвывали жвачку. И вот, перед рассветом, Сарыкой проснулась одной из первых. Её жутко терзал ставший привычным в последнее время кашель. Ребром к ребру лежащий с ней белый кочкор² отвернул голову. Он находился ещё в глубокой дрёме. Кашлянув во второй раз, Сарыкой почувствовала, что какой-то твёрдый предмет выпал из её пахучей, пропитанной ночной затхлостью пасти. Она инстинктивно облизала толстым языком щетинистые губы. Боль, исходившая из корня единственного зуба, сидевшего в переднем соединении нижней челюсти, на этот раз исчезла.. Остальные передние зубы выпали давно, а этот упорно держался, превратившись в боль, и каждый раз, когда она щипала траву, мешал ей. Теперь отдающего болью зуба не было в пасти. И душа её нашла своё место. У неё всё было как раньше. Как-то даже радостно стало.

Она энергично, одним рывком встала. Сразу стали видны все спящие вокруг овцы. Понурились головы и опустили отвислые уши, они оставались недвижимыми, бока касались прохладной земли. Некоторые старые овцы, приникали к земле ещё и шей, чтобы тяжесть приходилась на большую часть тела, и все мышцы как следует отдыхали. Сарыкой вытянула заднюю правую ногу до предела, копытцем дотрагиваясь до лежащего позади неё барана, потом повторила движение левой ногой. После этого, опираясь на две передние, оттолкнулась всем телом назад, при этом задние копытца оставались на земле недвижимыми - получился изящный изгиб спины - и тут же приняла прежнее положение. Все суставы проверены, сдвинуты на свои места, в таком положении они и будут целый день, пока Сарыкой будет стоять на ногах. Далее, как полагалась, слегка опустил башку, Сарыкой несколько раз помотала ею, при этом длинные уши ощутимо били её по продолговатым щетинистым щекам. Ещё не закончив мотания головой, всем телом шумно встряхнулась. От этих движений в овечьем мозгу все вроде бы очистилось. Она вся собралась. Содрогнулась разок шерстью на хребте, как

¹ Сарыкой - Желтая овечка

² Кочкор - производитель, самец

это обычно делал знаменитый Серке³ - бывший вожак отары - перед выходом из загона. Дальше оставалось чихнуть и оправиться перед дорогой, но чих Сарыкой попридержала, так как он открывал путь приступу кашля, которого она побаивалась. А оправляться Сарыкой просто не стала, так как белый кочкор еще спал.

Сарыкой была готова отправиться в путь на жнивье, где еще только вчера, перед заходом солнца, паслось стадо. Ей жутко захотелось есть. Голодное нутро так и требовало, чтобы Сарыкой пощипала что-нибудь съедобное. Из-за боли в зубах эти дни она не могла наесться вдоволь. Вот теперь можно пожевать сколько угодно её аппетиту вкусных, разных, нежных трав. Это было её единственное желание в то время, как остальные овцы все ещё видели свои длинные сны. Оттого, что все стадо лежало на полу, забор загона казался выше обычного. Через него нельзя было перепрыгнуть. Да и вряд ли она одна это сделает, пока кто-нибудь не покажет, как это делать. По своему нраву Сарыкой никогда бы не осмелилась на такой поступок.

Лучше было так, как жила Сарыкой. Ей, как и всей отаре, показывали путь вожаки из рода козлиных, которые иногда лучше человека определяли их дневной рацион, ведя за собой на лучшие пастбища. Только вот человек не всегда соглашался с их инициативой, поэтому старания вожаков нередко пресекались. В любом случае, сами овцы признавали ведущую роль вожаков из рода козлиного и подчинялись командам беспрекословно, потому что ведь никто из них отроду этим не делом не занимался. Кому оно нужно было, когда набивание желудка было поважнее всего прочего. Да чтоб голова малость была свободна для себя, так, на всякий случай, мало ли вдруг что взбредёт в неё.

Если бы не этот забор!..

Бывало, когда отару вёл за собой длиннорогий Серке, иногда Сарыкой вставала раньше остальных. Как откроет глаза, первым замечает Серке. Единственный силуэт, будто изваян из скальных камней, которых здесь навалом. Он стоял на посту и жевал свою бесконечную жвачку. Серке всю ночь не смыкал глаз: только и делал, что следил за порядком, чтобы хищники не приблизились, дабы зря не взбудоражить отару, и чтобы их удар встретить первым. Овцы спали, паслись под наблюдением застывшего где-нибудь вблизи длиннорогого Серке, который умел спать и отдыхать стоя. Только иногда, в разгар лета, опускался, собирая свои мощные четыре копытца под себя, на какой-нибудь возвышенности, с которой открывался вид на всю ближнюю даль, где паслись овцы, и малость там дремал. Под лучами палящего солнца он учащённо дышал, растапливая свой подкожный жир, постанывая от избытка удовольствия. А потом, перевернувшись мордочкой с востока на запад, опять сопит. Полежит вот так на безымянной высоте, пока не придет время сменить стаду пастбище. Тогда Серке одним

³ Серке - кастрированный козёл

рывком мощного корпуса вставал на ноги и шел туда, куда душа подсказывала, идя впереди отары и ведя всех за собой.

С тех пор, как не стало в отаре знаменитого длиннорогого Серке, Сарыкой не встречала подобного вожака. А их побывало много, всех даже не припомнишь. Появится один, побудет с отарой, а потом как-то неожиданно его не станет. Никто из них не имел таких длинных рогов как знаменитый Серке, почти все они являлись в отару без рогов, а потом, не успев как следует отрастить рога, неожиданно исчезали.

У знаменитого Серке рога были такими длинными, что сначала Сарыкой подумала, что это Человек специально надел на него такое сооружение, чтобы все овцы при виде его рогов, побаивались и слушались. Его сероватые рога были видны с любой точки пастбища. Сарыкой не представляла, что вожаки бывают без таких вот больших рогов. Это потом она убедилась, что бывают и такие, когда не стало Серке, когда чередой пошли одни безрогие, похожие на овец вожаки. Большинство их были нетерпеливыми, всегда сердитыми и легкомысленными. Стоит только сделать шаг в сторону, даже случайно оступиться, тут же комолая башка такого вожака враз ударяет под ребра, да так сильно, злобно, что это место потом долго еще болело.

Серке же никогда не торопился с наказанием. Он долго терпел шалости какого-нибудь озорника из молодых, кто от игры не уставал да остальным мешал. И вот, бывало, видит он, что терпят от него взрослые, порою, его же родители, тогда Серке подходит к озорнику, одним лёгким ударом рогов сшибает с ног, тут же умеючи прижмёт его к земле, да так чтобы хребет шалуна оказался на каменистом месте. Придержит длиннорогий вожак его малость так, а потом отпустит. А тот, бедненький, на глазах у всех, изменяется: не то что пошалить, вперед выйти не осмеливается - ходит ниже травы, тише воды, одним бочком прижимается к материнскому, другим к отцовскому боку и голову не смеет поднять.

А какой толк от бесконечных фырканий безрогих, угрожающего бляения, прямых угроз или даже бодания. Они голову морочат овцам да и только. Или же что происходит со стравливанием? Они почти никогда не ведут отару, а идут туда, куда их направляют люди. Ежели от них требуется лишь это, то овцы могли бы прекрасно справиться сами. Или такой, на первый взгляд, пустяковый вопрос, как водопой. Каждому барану ясно, что к обеду, пока светило большой земли в зените, надо подвести родную отару к проточной холодной воде. Ан нет, обязательно надо дожидаться указания Человека, чтобы тот побеспокоился и отогнал отару сам. Упрямится, никого на шаг не отпускает, а сам в это время ждет команды сверху.

Во времена Серке редко кто видел, чтобы когда-нибудь Человек сам вёл отару на водопой. Бывало овцы пасутся мирно, азартно щипают сочную траву, да с такой быстротой и проворством, что некогда даже отвлекься, заняться чем-нибудь, всякой там ерундой; идёшь себе вкушаешь, как говорится, цветы лучших горных трав, никак не наешься - бока уже от переедания округлились - всё равно хочется еще. Идёшь и не замечаешь, что

уже пора, что светило единственное стоит в зените над макушкой, а отара уже пришла к проточной, к холодной воде. А она такая чистая, что будто из самого воздуха соткана, точно живая, бежит по разгоряченной глотке вниз к желудку, на ходу снимая жажду и жар внутри груди. После так и хочется полежать от большого удовольствия. Но нет, длиннорогий Серке уже там впереди, ведёт отару на новое пастбище, куда даже человечьи следы не добрались. А потом всё в темпе, в темпе, словно в погоне - за кормом. Вот так до первого большого отдыха. Он бывал обычно в тени скальных валунов. Прошёл большой отдых, знаменитый Серке опять идёт впереди всех, только на этот раз в обратную сторону, в сторону загона, но не так поспешно, как утром, а медленнее, как бы размышляя над тем, что сделано за этот период и как ему завершиться. Шли обычно по тем же местам, по которым утром рвались ввысь, к вершинам безымянных гор, теперь, очищая плохо объеденные места, если этого требовали объёмистые их желудки.

Что же делают эти безрогие вожаки? Да ничего. Не говоря уж о солончаках, куда бывало приводил знаменитый Серке. Правда, сейчас соли предостаточно, Человек специально по яслям высыпает - не ходи никуда, лижи, сколько тебе угодно. Они даже простейшее для вожака дело - сбор отары - не могут произвести. Разве во времена Серке бывало, чтобы кто-нибудь отделился от массы? Или отстал, бредя куда глаза глядят. О подобном даже понятия не имели, притом от мала до велика соблюдали беспрекословно все правила жизни в стаде. Что же делается теперь? Если бы не загон, так хоть сейчас бреди кто куда, делай, кому что взбредет в голову. И ему за это ничегошеньки не будет. Опять же Человеку с его ленивой дворняжкой приходится искать беглеца по лощинам, скалам и долам, пока не обнаружит его самолично.

Или же эти бесконечные истории с отставанием. Ну нет дня, чтобы кто-нибудь да не отставал. Чего там кто-нибудь, бывает целая группа отстанет, мало того, забредут куда-нибудь без вожака, в конечном счете их съедают волки. Ведь волки любят непослушных, они сразу замечают таких.

Есть случаи, когда этих вольнодумцев так и не находят. Что же с ними тогда происходит? Сначала они долго прячутся где-нибудь в горах, нажрут травы до отвала, воду пьют, когда хотят, наделают дел, каких только им вздумается. Волки их не трогают - слишком безвинны и беззащитны. Зверям надо туда, где они встречают сопротивление, не просто перехватить у человека-соперника очередного барана, а пощекотать нервишки всем баранам, отчасти хозяину и дворняжке, да и самому испытать от этого большое удовольствие. Вольнодумцы-беглецы тем временем живут себе поживают, обременяющих обязанностей - никаких, сами себе хозяева да от этих безрогих вожаков подальше. Что им еще надо? Лишь бы оставили их в покое. Пасутся, резвятся, гуляют, размножаются, не страшно им. Да и зачем им думать еще о какой-то опасности, если есть свобода! Есть свобода, и пасутся сами по себе, живут вольготно? Может быть, этой опасности вообще нет в жизни?

Хотя бы такая пустяковая вещь для бараньего рода, как шерсть. Она соплеменникам Сарыкой позарез необходима, без нее им просто холодно и от этого одни мучения. Что же происходит на деле? Эту необходимую для них шерсть люди весной и осенью снимают с помощью холодной железяки, да с такой жадностью, что на каждом покрове не остается даже клочка шерсти. Людям, наверное, нет дела до того, что овцам после этого бывает холодно, отчего всю ночь не спится. Им кажется, от такой густой шерсти баранам, якобы, становятся тяжелее ходить. Да как сказать? Может быть, с шерстью даже было бы лучше, потому как этот покров естественным образом вырастает, так же сам и выпадает. А после каждой подобной процедуры - когда тебя повалят на землю перед тем, кто должен с тебя снимать шерсть, когда испытываешь столько неприятных минут ощущений страха - любой баран станет смиренным, еще более безмолвным, еще ниже опускает головку в землю, пряча при этом прежде всего глаза. Ничего не поделаешь, они на то и люди. Стоит только барану слегка подбодриться, позабыть то, что было некоторое время назад, так опять повалят всех соплеменников Сарыкой до единого, чтобы они, отдав свою шерсть, сами маленько присмирели, попечалились душой. Бывало, даже знаменитого длиннорогого Серке сваливали на глазах отары. Ох, эти люди! Вот так же сваливали его, и несмотря на его протестующее бляение, снимали с него тоже все до последней волосинки. А Серке был мощным, сильным с виду, будто три барана вместе, поэтому к нему обычно подходили два-три человека. Как правило, с него снимали шерсть одним из первых, а вот с Сарыкой почти последней. На этот счет у Сарыкой есть своя догадка.

Бывало, еще, когда только появился знаменитый длиннорогий Серке, когда Сарыкой еще было ягненком, в стаде были разномастные: чёрные, серые, рыжие овцы - вот, пожалуй, и все. Серке водил отару долгое время, она, как правило, постоянно менялась - в это лето есть знакомая овца, на следующее - её уже нет. Почему? Зачем? Об этом никто из бараньего рода ничего не знает. Сарыкой иногда замечала, что Человек рано утром, перед восходом солнца заходит в загон, потом долго ищет кого-то рассеянным взглядом, потом, положив руку на спину той овцы, какую выбрал, надавливает, при этом слегка трясая ладонью, затем её отпускает или забирает, хватая за задние ноги и волоча по земле, будто камень. Так несколько раз было и с Сарыкой. Овце в положении задом наперед ходить просто неудобно, поэтому несчастная сваливается, а Человеку кажется, она упрямится - вот он её и тащит. Бывает и по-другому. Пасется, например, отара где-нибудь на склоне горы. Всем все видно. Только безрогого жожака нет среди них. Он как всегда греет свой жир где-нибудь на вышине, будто знаменитый Серке, и наслаждается. В это время приходит кто-то из людей с совершенно неожиданного места, притом он движется крадучись, как-то боком-боком, дойдет до ближайшей овцы, схватит её, поднимает целиком в воздух и убегает. Естественно, тот край пасущейся отары от испуга, который нагнал человек, шарахается, но и только. После эти овцы обратно в стадо уже не возвращаются. Тем не менее стадо никогда не кончалось. Все время

приходили молодые овцы. Их обычно пригоняли целым стадом. Сколько милых, хороших овец знала Сарыкой в своей жизни, со многими имела знакомство, но все они так и канули куда-то. В основном, они исчезали за хребтом той высокой горы, куда заходит единственное светило земли, откуда берет свою границу известная Сарыкой долина. Должно быть на той стороне хребта есть лучший травостой, где каждый может вольготно пастись, наестся до отвала?

Самым удручающим бывает появление самоходных помещений. Однажды человеческие руки, взяв Сарыкой за загривок и за шерсть на бедрах, подняли в воздух и бросили в него. Изнутри оно было похоже на загон с деревянным полом, баранов в нем было набито битком. Немного погодя тот же Человек, взяв Сарыкой таким же образом, сбросил на землю, да так неосторожно, что она свалилась на два передних колена, ткнувшись при этом мордой в рыхлую землю. Это странное, снаружи похожее на жилье человека, но умеющее само ходить помещение удручало всех в отаре еще и тем, что оно к тому же издавало странные звуки, будто бык мычит, и в то же время под ухом мошкара жужжит - получалось что-то непонятное для бараньего восприятия, страшное. Еще это помещение умеет быстро бегать. Каждый раз это деревянное, словно маленький загон, помещение обязательно заполняется до отказа овцами и уезжает. Именно вместе с ним в один из вечеров исчез знаменитый длиннорогий Серке.

За свою короткую жизнь Сарыкой не один раз видела, как меняется отара. В последнее время основу стали составлять овцы одной масти: раньше ходили большей частью черношерстные с огромным курдюком горбоносые овцы, но постепенно в отару перемещались разношерстные, разной величины и рода овцы. Сейчас Сарыкой только и видит сплошь белошерстных, с отточенной продолговатой мордочкой, симпатичных овец. Отара от края до края загона заполнилась только ими. У них правда, шерсти много, однако им не так жарко, как черношерстным. Живется им довольно весело. Они уступают черношерстным по размерам туловища, также они боятся холода. Вместо курдюка у них висит небольшой прутик, который болтается, будто вовсе не хвост. Что же делается с их копытцами? Срамота и только! У прежних разномастных овец с тяжелыми курдюками копытца никогда не изнашивались. Тогда об этом просто понятия не имели. За свою жизнь Сарыкой разве когда-нибудь пожаловалась, выказывая человеку свою непригодность к ходьбе? Разве кто видел, чтобы Сарыкой когда-нибудь оступилась? Никогда! Кто из прежних разномастных овец боялся ходить по каменистым, скалистым местам? Бывало наоборот, следишь за знаменитым Серке, идя по скользкому склону, копытцам так приятно; как только приложишь к камню, дно копытца так там и присасывается. Идет отара по склону, никто не свалится, никто не соскользнет, все до единого проходят перевал, только копыта стучат по скале, словно капель бесконечная. Теперь же белошерстных лучше туда не гонять. Возьмет да на другой день захромает, припадая сразу на две, а то и на три ножки. Смотришь, на самом деле копытца раздробились, бедняжки по камням и шагу ступить не могут.

Потому что роговой слой у них на копытцах нежный, присасывающих свойств совсем нет. Вот и получается от здешних мест им лишь одни страдания.

А куда подевались разношерстные и черношерстные бараны, Сарыкой не знает. Без них ей тревожно на душе: ведь она тоже не белошерстная. Фактически одна среди белошерстных овец, если не считать нескольких случайно рожденных отпрысков. Зачем Человек оставил её одну здесь, не понятно. Правда, она в исправности приносила ягнят, но только своей масти, даже когда кочкор приходился из новых - тонкорунных, белых. Почему так получалось, Сарыкой сама не знает, а ягнят этих она быстро теряла. Бедняжки даже не успевали досыта попить материнского молока, как в один из дней их забирал человек, и больше она их не видела. Теперь вот второй год подряд Сарыкой была яловой. Организм крепко сдал. Тут не до ягнят, хоть бы кашель не одолевал да зубы не болели.

Уже два года, как все живые стали к ней равнодушны, не замечают, что она есть в отаре. Живет сама по себе, и все тут. Хоть где-нибудь отстань от массы и то, вряд ли кто побеспокоится о ней. С одной стороны, вроде бы, полная свобода, с другой - такая никудышная жизнь началась, что обида берет. Конечно, на людей обижаться не приходится. Они на то и люди. Не овцам судить о людских поступках. Обидно за своих ближних. Немолодой Сарыкой временами приходится терпеть, фактически, ни за что, ни про что всякие удары в бок, под ребра, а то и прямо в спинной хребет. Эти молоденькие мягкошерстные бараны-вожаки то и дело набрасываются ни с того, ни с сего на Сарыкой, чтобы погонять её, а после отогнать на край отары просто так, для порядка. У них-то энергии хоть отбавляй, а каково положение Сарыкой, которая после каждой такой их забавы долго не могла прийти в себя, задыхалась от кашля.

Чувствуя несхожесть её масти с остальными, пришлые вожаки так вдруг распоясываются, что, похоже, считают своим долгом время от времени боднуть её, а после отгоняют на край отары, просто так. Единственно еще кому полезной и нужной, и оттого уверенной чувствует себя старая Сарыкой, так это Человеку. Только он не отгоняет её, а наоборот всегда замечает. Рано утром и поздно вечером, когда отара овец выходит и обратно приходит к загон, каждый раз Человек обязательно прикасается деревянной палочкой к темени или спине Сарыкой, как и к остальным, тем самым приравнивая её к ним. Не будь Человека, это новоявленное племя мягкошерстных овец давно бы затоптало Сарыкой копытцами насмерть.

...Сарыкой все еще стояла на том же месте, вокруг в загоне все спали. В горной ложбине, где располагался загон, стало довольно светло, если не считать красной звезды, все еще мерцающей на тёмном небе, можно было бы сказать, что рассвело. О зубной боли она вовсе забыла. Хотелось только скорее попасть на жнивье, где вечером они паслись в последний раз. Нутром бараньим она угадывала, что сегодня, через некоторое время Человек отведет их опять на это жнивье. Вдруг почувствовала необходимость оправления.

Дальше нельзя было терпеть, Сарыкой, чуть присела на обе задние ножки, настолько, чтобы бегущие струйки не задевали шерсть, и расслабила мышцы того места, откуда просилась тёплая, застоявшаяся, порядком накопившаяся жидкость. Широкой, единой, непрерывной струей устремилась она наружу. Сарыкой оставалось на секунду забыться наслаждением от предстоящего освобождения. Обратное же мышцы сами сработали, плотно сжимаясь. Тогда градом посыпались полусухие от застоя, напоминающие волчьи ягоды чёрные шарики, как град гулко барабана о земляной пол загона. Лишь после она выпрямилась, тупо млея от тянувшегося по всему телу приятного ощущения удовлетворенности от освобождения. Белый кочкор самец, лежащий рядом, хотя все еще спал, после такого дела сразу сморщил нос, потом открыл глаза. Обычно Сарыкой всегда поливала кочкорам почти перед носом, чтобы обратить на себя внимание, но этот кочкор отреагировал по своему. Выпучив свои бараньи глаза, посмотрел на кривые ножки Сарыкой, потом лениво встал, но тут же, топоча всеми четырьмя ногами, опять лег на захваченную им и за ночь обогретую землю,. Только теперь головой туда, откуда не видно было Сарыкой, и глубоко вздохнул. Опять, в который раз ей стало не по себе. Почему же с прошлой осени на неё никто из кочкоров не обращает внимания? Что же произошло? Ведь она по-прежнему овца, и делает все, как и положено, что от неё требуется. Сейчас время большого гона, время большого гулянья. Поэтому Человек присоединил к ним трёх кочкоров. С их появлением в отаре обычно начиналось большое гулянье, и белые кочкоры почти всегда первым делом приставали к ней.

Нынче в стаде кочкоров обычно не бывает. Живут одни овцы, а они отдельно. Раньше, когда в стаде были разношерстные овцы, тогда наоборот кочкоров все время держали вместе с ними. Иногда они могли выполнять роль вожака, но, что и говорить, ведь в их жилах тоже текла баранья кровь, поэтому они с этим делом справиться так просто не могли. Правда, во времена знаменитого Серке не было случая, чтобы кто-нибудь из кочкоров осмеливался выйти вперед и повести огромную, охватывающую оба склона ущелья отару. Если же это случалось, то длиннорогий Серке приходил в ярость. Он стремглав бросался на смельчака, какой бы масти он ни был, какую бы величину и вес он не имел. Первым делом избивал его своими громадными рогами до тех пор, пока тот, прося пощады, не удирал в самый конец отары, где ему потом всё время не будет хватать травы, так как передние овцы все буквально вылизывают, да и воздух вдыхать не первой свежести. После он так и оставался самым последним самцом...

В то время Сарыкой не было жалко подобных смельчаков. Сейчас вот, в это раннее утро Сарыкой отчаивалась из-за одной мысли. Даже на время позабыла жуткое стремление к жнивью, где можно было утолить голод, откуда каждый раз начинало свой первый бег большое гулянье. Почему она вдруг стала никому не нужной, когда она - все еще она? Ведь ничего же не изменилось в ней? Сарыкой все время такая. В прошлом году, когда их пустили стравливаться на жнивье, сразу поняла, что пришла пора большого гулянья. Как в таких случаях требуется, по возможности воздерживалась от

еды, старалась быть на виду. Что-что, а такие тонкости она знала. Не первый раз выходит на жнивье. Старалась держаться с той стороны от кочкора, откуда поддувает ветер, чтобы одурманивающий прелестный запах донес попутный ветер до ноздрей кочкора. Как всегда все делалось до мельчайших деталей точно и не один раз. Тем не менее все три самца ни разу ею, как следует, не занялись. Только один раз, когда только что их привезли, средний кочкор подбежал к Сарыкой, как полагается в таких случаях обнюхал все её приметные места и больше не стал обращать внимания на неё. Отошел сразу к другой овце. Никогда у Сарыкой такого случая не было. Ей показалось, что он это сделал специально, чтобы унижить её достоинство перед отарой.

И на этот раз опять повторился тот случай. Сарыкой была в недоумении от того, что столько дней человек их пасет на жнивье, а никто из привезенных самцов не подходит к ней. Вчера вечером с больным еще зубом она стала пробираться туда, где устроился на ночлег белый кочкор. До него было не так далеко, как до остальных двоих, которые прилегли в окружении столько овец, что оказались почти в самом центре загона. Сарыкой как всегда спала на краю, как говорится, смыкая край отары с краем загона, прижавшись одним боком к холодному забору ограды, другим - к задам сразу двух, а то и трёх или больше белошерстных овец. Они ни в коем случае не давали Сарыкой приближаться к центру загона, где постоянно тепло да и безопаснее. Сарыкой знала своё место, поэтому, пока они не терзали её, мирно занимала своё привычное и всегда свободное место. И вот вчера после возвращения с жнивья Сарыкой решилась.

В загоне почти все улеглись, успокоились, начали дремать, а Сарыкой вдруг стала пробираться. Первые овцы, спящие к ней задом были только с виду сердитыми, об этом Сарыкой знала, потому что они тоже в какой-то мере ущемлены - ведь если не считать сарыкоева места, они замыкают этот край отары. Естественно, захват территории взволновал их, но когда они поняли, что прущаяся всем телом Сарыкой стремится туда, в центр, куда вообще трудно пройти, то с каким-то злорадством пропустили её, чтобы в очередной раз убедиться в позоре и посрамлении Сарыкой, как и многие, натерпевшиеся от таких вот вольностей. В следующем ряду лежали средние по весу и значимости овцы. Двое из них сразу нервно вскочили на ноги. Первой ударила головой правая овца, за ней вторая, что стояла слева. Обе попали так метко, почти с одинаковой силой, что у Сарыкой изо рта вырвался глухой звук: «Ик-к!» Удары повторялись. И каждый раз слышался этот приглушённый возглас: «Ик-к! Ик-к! Ик-к!» Дыхания у Сарыкой с каждым разом становилось все меньше, будто кто-то рукой сдерживает легкие в груди. От этого все тело у нее напряглось. Чтобы разрядиться, она повернулась, да с такой быстротой опустила голову вниз под грудь поднявшейся на двух задних ножках, приготовившейся для удара овцы и вдарила ей тем местом, откуда обычно растут рога. Тогда та мигом завалилась на рядом лежащую овцу. Но Сарыкой тут же получила другой удар такой силы, что сама упала на ту овцу. Естественно, все близлежащие овцы, проснувшись, встали, зафыркали, проявляя недовольство. Однако

Сарыкой рвалась дальше, к кочкору, лежащему в окружении белоснежных самок. Ей было это необходимо. Она должна была окончательно убедиться, что еще в состоянии ягниться. Тут, откуда ни возьмись, появилась рогатая овца. Больше всего она боялась рогатых овец. Благодаря своему преимуществу они всегда коварны. Но и это не остановило Сарыкой. Она смело ринулась туда, но, оказалось, её окружили со всех сторон одни овечьи зады. В окружении их осталась кроме Сарыкой и та, с кривыми рогами. Улизнуть было невозможно, все равно бы её не выпустили эти глухие зады, смотрящие буквально со всех сторон. Тогда Сарыкой повернулась к той, кто в это время с умыслом и угрозой, как-то боком приближалась, подыскивая незащищенное место в теле Сарыкой, чтобы побольнее ударить. Разгоряченная прежней дракой, Сарыкой, не дожидаясь атаки, сразу ударила головой! Удар пришелся рогатой по ребрам, и оказался ощутимым, потому что Сарыкой тут же отскочил назад, что обычно бывает после удачного попадания в цель. Надо было победить! Только это могла обеспечить выполнение её намерения. Сарыкой снова ринулась к рогатой, а та, не будь душой, подставила навстречу ей свои кривые рога. Сарыкой так и врезалась между ними челюстью. Из глаз, казалось, сразу посыпались искры! Первоначально она даже не поняла, отчего у неё вдруг яснее ясного стало в зрачках. Какой-то близкий удар повторился. Тогда Сарыкой поняла, что скрюченные рога белой овцы защемили её нижнюю челюсть, и рогатая каждым кивком головы ударяет нижнюю челюсть Сарыкой о верхнюю челюсть. Без конца сыпались искры из глаз...

В неудобном, каком-то висячем над головой противника положении Сарыкой в одну секунду угадала, что боль исходит из ее собственного зуба. Она отчаялась, хотелось вырваться, но тщетно. Скрюченные рога упорно держали ее, будто давно этого хотели, а теперь вот схватили и им радостно от этого, что не хотят расставаться. Единственный больной зуб для неё стал ощущением всех чувств и вместе с тем источником силы. Скрюченные рожки её все не отпускали, тиская челюсть, рогатая овца каждым кивком головы испытывала выдержку Сарыкой... Нет, дальше невозможно было терпеть! Она вдруг набралась какой-то не бараньей силы, энергичной и неукротимой, встала на задние ножки, закачала головой, раскачивая свою челюсть между рогов, а в то же время рогатая по инерции тоже поднялась на задние ножки, а оттуда падая потянула голову вниз, так что челюсть разом освободилась. Сарыкой встала на четыре ножки, а они не слушаются. Еле выдерживают её. Однако тут кто-то врезался в неё сзади!.. Сильный, необузданный, недозволенный удар пришелся на её исхудалый курдюк. По бараньим неписанным законам пока противник не очухается, другой не имеет права его трогать. А тут это правило было нарушено. На этот раз врезался в неё, видимо, кто-нибудь из ближних той рогатой. По инерции Сарыкой головой вклинилась между двумя овечьими боками, поставивших ей свои беленькие зады, овец. Обычно протиснуться между боками бывает непросто, а тут, если бы не эта дикая сила удара, то навряд ли Сарыкой могла бы вклиниться между ними. Они встали, оказывается, в ряд, ребро к ребру, с

тесно сжатыми боками, да с такой ненавистью и нежеланием, что между ними даже копытцу невозможно было протиснуться. В такой обстановке у неё все забылось: и боль, и страх, и даже желаемое... Осталось только ощущение тесноты. Но тут опять ударил тот же широкий бараний лоб тем же недозволенным способом. Он опять пришелся на то место, где Сарыкой боль вообще не чувствовала. Собственный курдюк всегда вырубал её. Только туловище углублялось между боками белянок. С этого момента она почувствовала удары рогов. Они стали чередоваться, но были постоянными. Сарыкой же, получая удары, только втискивалась, вклинивалась, врезалась в массу овец. Наконец её глаза сравнялись с лопатками передних ног стискивающих ее овец. На этот раз она стала перебирать передними копытцами, царапать землю, чтобы продвинуться дальше. Неожиданно удары прекратились. Приравнявшись к головам соседок Сарыкой вдруг увидела в их глазах откровенную злость и лютую ненависть. Хотела было протиснуться дальше, но той овце, что была слева, видимо стало обидно, и она повернувшись хватанула шерстистым ртом за ухо Сарыкой, тут же подергав не раз, но потом отстала. Тем временем Сарыкой уже была рядом с лежащим кочкором. Хотя вокруг стояло столько взбудораженных овец, он мирно себе сопел. Ссоры овец его не тревожили, для него они были, видимо, обычным явлением. Рядом все места были заняты. Негде было даже наступить. Но Сарыкой, как только дошла, буквально рухнула на передние ножки прямо на двухгодовалую овцу, которая лежала спина к спине с кочкором. От неожиданности она ойкнула, отстраняясь привстала, и получилось, что она уступила место Сарыкой - та сразу почувствовала под грудью нагретую землю. Двухгодовалая овца уже не могла прижаться к ребрам белого кочкора и вынуждена была потеснить ближнюю соседку...

Вот так вчера вечером Сарыкой завоевала себе место здесь рядом с белым самцом. Всю ночь потом сна не было, болел зуб, и казалось непривычно жарко. Конечно, все овцы вокруг как всегда отвернулись к ней задами, и только кочкор в глубокой дрёме повернулся своей белой мордой к ней, и так вот они пролежали до рассвета.

Все было бы ничего, если не какое-то странное чувство новизны у Сарыкой. Во-первых, как бы она близко не подходила к кочкору, сама оставалась бесчувственной, чего она в жизни не знала. Никакой радости от необходимой близости. Никакого желанного трепета и горения. Осталась только привычка: сделать все как нужно, при встрече с кочкором. Теперь же если даже все желаемое исполнилось, это не удовлетворило бы её - не было похоти. Она даже от молодой травки иногда не получала удовольствия. Поэтому когда вчера вечером Сарыкой с таким трудом пробралась туда, где мирным сном спал привезенный самец, у неё внутри ничего не зажглось. Добравшись туда, ей хотелось только отдохнуть. Вот этого нового чувства теперь она боялась больше всего. Ведь она кто, если не та, что была всегда? Зачем же тогда столько усилий приложила, чтобы достичь его? Ведь это же она!..

Утро запаздывало. Овцы в загоне начали просыпаться, а обычного, светлого рассвета так и не было. Сарыкой посмотрела на вершину ближайшей горы - та была как в тумане. Обычным утром в это время там появлялись косяком идущие первые лучи светлого солнца. Такой же цвет, как сейчас, обычно предвещал о приближавшемся дожде. Не первый раз она видит подобное и, узнав, что скоро пройдет дождь, стала внутренне собираться, чтобы встретить приближающееся ненастье. Теперь каждой овце самой приходится думать о том, какая будет погода.

Теперешние вожаки в этом не смыслят. Бывало, знаменитый Серке стоит на посту, всюду тишина да покой. Вдруг оглушительный треск со звоном отзывается в ущелье. Все сразу просыпаются. Видят овцы, что огромные рога Серке ударяются непомерной мощью о скалу и туда-сюда, туда-сюда, и прямо!.. Каждый раз со скального валуна веером сыплются огненные искры. А Серке все сильнее раскачивает свою большую башку туда-сюда, туда-сюда, а искры веером, веером... Так он оповещал их о приближающейся ненастной погоде...

Ворота загона открыл знакомый Человек. Он же стал пропускать каждую овцу по одиночке, при этом выговаривая какие-то привычные для ушей слова и одновременно дотрагиваясь палкой каждой головки по одному разу. Как обычно все ринулись туда, чтобы поскорее занять место в первых рядах отары, что важно при выпасе. Сарыкой же не спешила. Все равно её вперед не пустят. Каждый раз бороться за переднее место - сил не хватает. Пошла же она одной из последних. Белый самец - кочкор, проснувшись лишь теперь, тут же огромными шагами, опрометью бросился туда, куда все уходят. Его выпустили, а перед носом Сарыкой ворота загона закрыли. Внутри загона осталась группа овец, но ворота закрыли.

Прошло некоторое время, тогда вошли двое людей и, разговаривая между собой, начали каждую овцу хватать, потом отпускать. Одну даже выпустили наружу. К Сарыкой они подошли в конце. Она не стала как другие овцы убежать от них, а наоборот ждала, когда очередь дойдет до неё, и те подойдут к ней. Один из них теплыми человеческими руками заставил её открыть пасть. Второй человек, тоже постоянно что-то говоря, заставил ее снова открыть пасть и заглянул туда. После оставили её в покое. Они отошли, а Сарыкой ничего не почувствовала, только во рту остался соленый вкус от человеческих рук. Поэтому она некоторое время облизывала своим грубым языком щетинистые края губ.

Задержанные в загоне овцы тревожно ждали того момента, когда человек выпустит их на корм. Особенно хотелось есть Сарыкой. Теперь, когда у неё решился вопрос с болью во рту, можно было много, упоенно набивать желудок, чтобы наверстать упущенное.

Дождь слегка накрапывал, и в это время появилось то, чего боялись все овцы. Это было то самоходное помещение с раздражающим гулким звуком. К шемящей внутри Сарыкой муке голода прибавилась загадочное, до сих пор не испытанное предчувствие перемены места с помощью этого железного,

непонятно как двигающегося зверя. Чувство это сбылось. Дождь все шел, а люди стали, силой хватая за шерсть и перенося по воздуху, стаскивать их внутрь этого железного зверя. Здесь Сарыкой однажды уже была, поэтому смело прошла вглубь, туда, где потемнее. Остальные же овцы оставались почти там же, куда люди подбрасывали их снизу. Желание есть корм у Сарыкой не отступило. Потом все овцы разом почувствовали, что это, изнутри похожее на загон помещение из дерева, задвигалось. Тут они перестали бояться гула этого непонятного зверя, а стали испытывать страх от его движения. Это был такой быстрый, удручающий бег, что им даже во сне не снился. Они, испытав это, обрели новое знание. Даже Сарыкой, увлекшись тайнами подобного стремительного движения, забыла о своём голодном желудке. Ей теперь хотелось только одного - остановиться. Зачем они мчатся? Куда? Почему не останавливаются? Нельзя ли задержать их бег?

Движение длилось очень долго. Первой, опять же первой, подняла голову Сарыкой, чтобы поглядеть, что происходит вокруг. А вокруг, собственно говоря, ничего не происходило. Удивительно было то, что сделанное из плоских досок помещение, было недвижимым. Все остальное вокруг умчалось назад. Овцы стояли на прежнем месте, понуриив голову. Изредка это помещение слегка подпрыгивало, тогда овцы тоже встряхивались, будто вздрагивая. Двигались же обычно совершенно недвижимые предметы: сопки, реки, лес, скалы - все окружающее их, все быстро отодвигалось куда-то назад, удаляясь, уменьшаясь, в конечном счете, скрываясь из виду. Не исчезала только серая лента, выползающая буквально из-под ног железного зверя, казавшаяся поэтому Сарыкой бесконечной. Такого тоже она за свой век ни разу не наблюдала. Обычно горы умели только стоять.

Но что это? Показались высокие, большие помещения, похожие на тот дом, что остался у загона. Там жил Человек. Вот такие, напоминающие то помещение и непохожие на него, разные. Их было немислимо много, так что они стояли как в горах скалы. Среди них виднелись люди. Овцы и это деревянное помещение находились среди этих, ускользящих назад, огораживающих с обеих сторон серую ленту, с высокими как скала стенами помещений... Сложно было узнать все тонкости этой непонятной для неё жизни, и Сарыкой опустила голову, как все остальные овцы.

Неожиданно помещение вздрогнуло. Все кто был в нем, подавшись в тёмный угол, разом прижались друг к другу. Почему-то вблизи послышалось жалобное козье блеяние. И Сарыкой вдруг ощутила, что они стоят на одном месте. Движение прекратилось. Так недвижимо бывает всегда. И раньше всегда было так. Подняла голову. Невдалеке стояли отвесные стены, как скальные камни. Кроме этих высоких стен она ничего не видела. В помещении появились люди. Они расторопно, тем же способом хватили за шерсть каждую овцу в отдельности, сначала подняв в воздух, потом сбрасывая на землю. Вот опять Сарыкой в тёплых руках Человека. Они берут её с пола и, поднеся к краю помещения, как-то неосторожно опускают. Сарыкой сразу проваливается и через некоторое время после падения по

воздуху, оказывается на твёрдом, каменистом полу. Она покачнулась, присела на все четыре колена и тут же выпрямилась. От удара всем четырём копытцам одновременно стало больно, но, чтобы люди, опять схватив не сделали подобное, Сарыкой засемила в сторону стоящих поодаль овец. Здесь было много скота разной породы, разной масти и разной величины. Это утешило её. Это было другое стадо, среди них было много крупного скота. Возможно это будет для неё самое дружное стадо. Она шла теперь туда, к ним, а они, казалось, избегая её, уходили дальше. Так ей казалось, хотя ножки, крепко наступая на каменный пол, определяли недвижимость земли. В ушах же было ничего не слышно.

Не знала Сарыкой, сколько стояла так, морда к морде с новыми соседями в помещении, следя за их реакцией. А когда повернулась - деревянного загона уже не было. На его месте остались, собравшись в кучу, соплеменники Сарыкой, только что приехавшие вместе с ней. Они были самыми заметными, так как их белая шерсть, будто освещала помещение. Сарыкой заметила огромные размеры этого, похожего на загон, с отвесными высокими стенами помещения. Оно было до такой степени широким, что Сарыкой так и не разглядела, кто там, в дальнем его углу находится. Стены были до такой степени высоченными, что запросто загораживали двух верблюдов, находящихся тоже здесь, которые кстати стояли именно у его стен. А из животных, кого только не было. Тут стояли, там стояли, прямо посреди помещения стояли - видимо-невидимо, всюду только они. Там, вдалеке, на той стороне оказалось целое стадо коз, которые постоянно орали. Вот лошади, вот коровы, даже яки были тут, в ближнем углу.

После первого взгляда на помещение у Сарыкой появилось новое соображение - она здесь впервые почувствовала себя не единственной среди белошерстных овец, как бывало всегда. Еще заметила, что из животных никто не просил корма и не хотел есть, хотя у стен виднелась подброшенная сухая трава - солома. Все стояли и смотрели в один угол, где почти ничего не видно глазу. Сарыкой только определила, что там тоже стоят животные. Все они ожидали чего-то очень важного, желанного.

Неожиданно Сарыкой увидела то, к чему она не была готова! Ей даже не по себе стало! Поморгала глазами, пристально вглядываясь - не ошибается ли? Нет, зрение не подвело. Он и есть! Тот самый, длиннорогий Серке, которого когда-то увез на себе тот железный зверь. Серке выглядел теперь по-другому: бока ввалились, рёбра можно было пересчитать, копытца выросли от долгого бездействия, загибаясь вовнутрь, не обстриженный после линьки пух кое-где болтался, глаза уходили вглубь глазниц, а на мордочке собралось множество морщин. По-прежнему статно держались только величавые рога, да почему-то теперь побуревшая густая борода. И он стоял, чего-то ожидая. Единственно, чем отличался от других - все время пережёвывал свою бесконечную жвачку. Находился к ней он очень близко, поэтому Сарыкой, прямо посмотрев ему в глаза своим овечьим нутром, поняла, что знаменитый Серке вдобавок еще и не видит. Оба зрачка у него были закрыты такими же бурыми, как и его борода, плёнками.

Все животные вострепнулись. Ожились. В глубокой стене, куда все животные устремили взор, открылся проем. Но там ничего нельзя было разобрать, так как проем представлял собой тёмное пятно. Оттуда появился Человек. Все животные, не спуская глаз, следили за его движением. Томительно молчали. Тут он по-человечьи как-то резко вскрикнул. В голосе его были угроза и призыв. Неожиданно все время истерически блеявшие козы приумолкли. На голос Человека из-за спины их вдруг со спокойным видом вышел знаменитый Серке и направился прямо к нему. С минуту Человек подождал, пока тот ближе подойдет, тогда, пуская его вперед, сам стал подгонять стадо коз. Длиннорогий Серке без подсказки пошел к открытому выходу, откуда кроме крошечной тьмы ничего не было видно. За ним тут же радостно последовало козье стадо, толкаясь, борясь между собой за место, что впереди, что сразу следом за вожаком. Стадо ушло. Закрылся проём. В непомерно огромном помещении стало так тихо, что в ушах звенело. А животные стоймя стояли все до единого, желая идти туда, куда только что отправился козий род. Вдруг Сарыкой тоже стало тянуть туда...

Тёмный проём в глубине большого помещения снова открылся. Из него вышел тот же Человек. Так же зычно, властно крикнул он. Но тут, удивленно озирающаяся Сарыкой увидела, что из-за её спины опять спокойным шагом вышел длиннорогий Серке! Этого она никак не ожидала. Повернувшись, заметила недалеко от себя в стене небольшое отверстие, откуда мог придти Серке. Понятно было, что здесь открывается какой-то тайный проход. Но те, козы, что пошли за Серке, так и не появились из того проёма.

Вожак Серке по-прежнему был невозмутим и сразу направился к тёмному выходу, а Человек на этот раз стал подгонять овечий род. Сходу поняв это, Сарыкой тоже рванулась, почему-то ей захотелось оказаться следом за знаменитым вожаком. Но и здесь никто из разношерстных овец не хотел уступить своей очереди, своего места. А белощерстные овцы демонстративно показывая Сарыкой свои беленькие зады, строились в один ряд так плотно, что Сарыкой расхотелось бороться. Все и так ясно.

В тёмном пространстве действительно оказалась крошечная тьма, будто кто-то закрыл ей глаза. Тьма неожиданно сменилась светом. Овцы оказались в довольно большом помещении, похожем на кошару, с той только разницей, что оно и сверху тоже было закрыто стеной. Свет шел от множества маленьких солнц, прикрепленных к стенам. Отчего их так много, когда солнце на небе бывает только одно, Сарыкой не поняла. Не успела поразмыслить над этим, почувствовала, как грудью ввалилась в тёплую воду. Овцы барахтались, не зная, что делать. Вода была горячая. Глубина не ощутима. По крайней мере Сарыкой копытцами до дна не доставала. Начала перебирать ножками, чтобы как-то приблизиться туда, к тому берегу, где виднелись огромные рога знаменитого Серке - предводителя. А тут сверху полились тёпленькие струйки. Посыпались так густо, с шипеньем, что дышать стало трудно. Мирно вели себя овцы, стараясь изо всех сил добраться до следующего, видимого берега этой, со стоячей тёплой водой

реки, где сверху горит много солнц и поливает тёплый непривычный дождь. Выбравшись на берег, Сарыкой разразилась уже почти позабытым кашлем.

В следующем помещении Сарыкой встретил легкий ветерок. После реки насквозь промокшим овцам ветерок пришелся по душе. Он дул навстречу им из двух каких-то огромных дыр утепленным воздухом. Струи ветра били с такой упругостью и силой, что Сарыкой еле устояла на ногах и, делая каждый раз шаг, побаивалась, как бы они не сорвали её с земли. Более легкие по весу овцы поневоле отставали, не выдерживая напора тёплого ветра. Благодаря этому Сарыкой очутилась впереди белошерстных, пришедших с ней из одного загона, знакомых овец. К другому выходу из этого помещения она пришла уже одной из первых, так, что знаменитый Серке был к ней буквально через нескольких овец.

Постепенно стены стали сужаться. Даже невозможно было пройти по двое. Оставалось опять толкаться, чтобы занять своё место в этом ряду. После тёплой речки да тёплого ветерка Сарыкой почувствовала легкую бодрость, шерсть опять была сухой, чистенькой, пушистой. Постояла немного у порога, где все толкались. Пробилась в ряд и сразу стало легко, как-то хорошо. Она шла бодрым, довольно быстрым шагом, на который настраивал вожак, знаменитый Серке, идущий самым первым. Вот появилась густо освещенная полоса. Огромные рога Серке, пересекая освещенное место, куда-то ушли в мало освещённое место. За ним образовался провал: впереди идущие овцы вдруг стали пропадать. А та, что шла буквально перед носом Сарыкой, вдруг взбрыкнула. И тут Сарыкой увидела, как за задние ноги её схватила какая-то железка, подняла головой вниз и унесла подальше... Сарыкой не успела и понять, что тут происходит. Вдруг она почувствовала, как что-то крепко схватило её за правый задний толорсук⁴. Ни секунды не медля, это холодное нечто потянуло вверх. Не успела Сарыкой сообразить, как вдруг ощутила жгучую острую боль там в мякоти ноги, за которую схватило её это, неизвестное, холодное. Порвалась мякоть под большим сухожилием. Теперь она висела головой вниз, ощущая всю свою тяжесть на этом сухожилии, которое схватило то неизвестное. От непомерного страха Сарыкой, выпучив глаза, потеряла возможность соображать. Ощущала только, что она в таком висячем положении медленно двигается куда-то. И тут увидела Человека. Почему-то он был теперь головой вниз, поэтому сначала увидела его две ноги, затем туловище. Но она точно знала, что это Человек. У ног Человека, двигаясь, текла густая, черная, пеннистая жиденькая речка. Тут Сарыкой очутилась ближе к нему, почти у его рук. В одной руке Человека Сарыкой увидела большой кусок железа, похожий на тот железный предмет, с помощью которого обычно снимали с неё шерсть. И этот железный продолговатый кусок был густо облеплен такими же липкими густыми комьями и жидкостью, что протекала у ног Человека.

⁴ толорсук - /кирг./ сухожилие, идущие вдоль берцовой кости

Тут Человек решительным движением схватил Сарыкой за морду. Схватил с таким остервенением, что ей захотелось взбрыкнуть от невыносимой боли сжимаемых губ, но тут почувствовала жгучую боль на шее!.. Этого нельзя было терпеть! Взбрыкнула!.. Забилась. Ощущения стали пропадать. Оставалась еще сила. Сарыкой опять взбрыкнула, но уже ничего не ощущая...